

селении. Так и оказалось: Макондо множество раз воскресает на страницах разных произведений Г. Г. Маркеса.

© Кузнецова Т. С.
г. Екатеринбург

ВИДЫ ЯЗЫКОВОЙ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ В НЕКОТОРЫХ ЗАГАДКАХ ЭКСЕТЕРСКОГО КОДЕКСА

Среди множества сложностей, с которыми сталкивается современный читатель в загадках Эксептерского кодекса, Роберт ДиНаполи упоминает «свойственную загадкам намеренную неопределенность жанра, отсутствие очевидных отгадок в самой рукописи и нередкую затуманенность языка» [1]. Этот список, несомненно, можно продолжить, добавив к нему многочисленные языковые двусмысленности, которые авторы англосаксонских загадок используют с поразительным мастерством.

Уайетт замечает, что, с одной стороны, древнеанглийские сочинители загадок далеко не всегда были особенно щепетильны в отношении соблюдения грамматического рода загадываемого предмета или явления (*x*), не более чем древнеанглийские поэты в отношении законов грамматики и синтаксиса. С другой стороны, этому есть очевидная причина: процесс наслаивания одной метафоры на другую предполагает изменения в грамматическом роде, так как певец видит древнеанглийское *wiht* то как воина, то как женщину, то как неодушевленный предмет [2]. Грамматический род существительного *wiht*, который часто выступает субститутом загадываемого предмета или существа, обуславливает использование местоимений и прилагательных женского рода в загадке. Самым ярким примером служит загадка 23, отгадкой которой является существительное мужского рода *boga* «лук»:

Ic eom wrætlic with on gewin sceapen... 2
Sifþan me se waldend, se me þæt wito gescop, 6
leoþo forlæted, ic beo lengre þonne ær.

(Загадка 23) [3].

[Я странное существо, созданное для битвы...

Когда мой господин и мучитель отпускает меня, я снова выпрямляюсь] [4].

Женский род древнеанглийского прилагательного *lengre* (7b) можно объяснить исключительно родом существительного *wiht* (2a).

Согласование по роду в этой загадке сбивает отгадывающего с толку.

Не менее обманчиво описание, в котором пол смешивается с грамматическим родом:

Ic þa wiht geseah wæpnedcynnes, 1
geogudmyrþe grædig; him on gafol forlet... 1
‘Seo wiht, gif hio gedyged, duna briced; 6
gif he tobirsted, binded cwice. ’

(Загадка 38) [5].

[Я видел воина/вооруженное создание, жадное до юношеского веселья; для него... Этот предмет, если останется невредим, сворачивает горы; если его разорвать, [он/оно] берет в плен живых].

В 38 загадке изображается загадываемое существо, *þa wiht* как *wærpedcynnes*, воин/вооруженное создание, и во втором стихе этот предмет обозначается как *him* анафорическим местоимением дательного падежа мужского рода (или, что кажется менее вероятным, среднего рода). Цепь *seo wiht — hio* (6) разрушается в стихе 7, где появляется местоимение мужского рода *he*. Здесь происходит переключение с грамматического рода *wiht* в л. 6 на пол загадываемого животного, а именно быка в л. 7, что должно вводить отгадывающего в заблуждение. Это становится особенно заметным благодаря тому, что такая замена в загадке встречается дважды: в стихах 1 и 2 *þa wiht — him* и в заключительных стихах 6 и 7: *seo wiht — hio — he*, образуя, таким образом, обрамляющую структуру. Примечательно то, что в латинских загадках Эвсебия (Enigma 37) и Альдхельма (Enigma 83), которые, предположительно, легли в основу древнеанглийской загадки, отсутствует обыгрывание рода загадываемого предмета. Этот прием характерен для загадок, принадлежащих устной традиции [6].

Похожим образом обстоит дело с 60-й загадкой, которая в содержательном отношении шире загадки «Arundo» (тростник) Симфозиуса, являющейся ее основой. Превращение одинокого обитателя морского берега в глашатая из мира людей подчеркивается заменой местоимения первого лица единственного числа на местоимение первого лица двойственного числа, что невозможно в латинской загадке:

Ic wæs be sonde sæwealle neah 1
æt merefarope;
þæt ic wiþ þe sceolde
for unc anum twan ærendspræce 15
abeodan bealdlice, swa hit beorna ma,
uncre wordcwidas widdor ne mænden
(Загадка 60) [7].

[Я жил у берега, в беспокойных волнах
у плотины... должен я донести до тебя свои слова, только между нами двоими
том, что никто другой не должен знать, о чем мы говорим].

Тиггс говорит о том, что двойственное число используется в стихах 11. 15-й и 17-й загадки, чтобы вовлечь читателя в процесс отгадывания, тогда как во всех остальных случаях двойственное число используется для того, чтобы подчеркнуть схожесть двух сторон предмета загадки (ср., например, загадки 61 [63]. 5b, 70 [72]. 4b, 81 [84]. 2b и 7a, 84 [87]. 11bff.) [8]. Местоимением двойственного числа в стихе 15 обозначается оппозиция «предмет загадки — читатель», а местоимением двойственного числа в стихе 17 — оппозиция «предмет загадки — загадывающий». Согласно этой интерпретации, у адресата-отгадывающего и адресанта-загадывающего есть внетекстовые денотаты [9].

Блокли отмечает, что вне жанра загадки в тех случаях, когда у место-

имения первого лица отсутствует антецедент, оно указывает на то, что денотатом местоимения является сам текст, а не поэт или слушатель, по крайней мере, до тех пор, пока в тексте не появится антецедент.

Главным доказательством того, что свободностоящее местоимение первого лица относится к самому тексту, является то, с какой четкостью древнеанглийские проза и поэзия соотносят другие местоимения с их антецедентами [10].

В загадках, которые принадлежат к группе повествований от первого лица предмета о самом себе (начинающегося с *ic eom*), форма монолога-олицетворения позволяет отождествлять местоимение первого лица единственного числа с предметом загадки. В загадках, где загадывающий рассказывает о вещи или существе, которое он видел (*ic seah*), предмет загадки обозначается местоимением третьего лица, тогда как местоимение первого лица единственного числа используется для называния «очевидца», который делится своими впечатлениями со слушателями. Загадка 33 включает речь предмета загадки в рассказ певца, что приводит к появлению различных денотатов: *wiht* (1a) — *hio* (5a) — *hyre sylfre* (8b) — *min* (9a) — *min* (10b) — *seo* (12b).

*Wiht cwom æfter wege wrætlicu līþan,
cymlic from ceole cleopode to londe,
hlinsade hlude; hleahtor wæs gryrelc,
egesful on earde, ecge wæron scearpe.
Wæs hio, hetegrim, hilde to sæne 5
biter beadoweorca; bordweallas grof
heard ond hīþende. Heterune bond,
sægde searocraftig ymb hyre sylfre gesceaft:
'Is min modor mægða cynnes
þæs deorestan, þæt is dohtor min 10
eacen up liden, swa þæt is ældum cuþ,
fīrum on folce, þæt seo on foldan sceal
on ealra londa gehwam lissum stondan.*

(Загадка 33) [11].

[Она причудливо двигалась в волнах, громко кричала с корабля на берег, грохотала, смех ее [был] ужасен, устрашающ, остр, как меч. Она неистовствовала от ненависти, неторопливая в атаке, беспощадная в битве. Она ломала ребра кораблей, несла страшные разрушения. Она слетала загадки, заклинаниями говорила о своем происхождении: «Моя мать — дева знатного рода, она моя дочь, разросшаяся, встречаемая с радостью там, где она падает на землю, благословляя земли, где живет человек».]

Сложный по общему признанию отрывок в стихах 9–13 показывает двух потенциальных претендентов на роль антецедента, выраженного местоимением *seo* (12b): *modor* and *dohtor*. Однако ни один из них не кажется предпочтительным. Дело в том, что в предложении, начинающемся в стихе 9, местоимение парадигмы *se* указывает на смену подлежащего. Другими словами, использование местоимения *seo* свидетельствует о том, что подлежащее в придаточном предложении с *þæt* в стихах 12b–13 не то же самое, что существительные, ему предшествующие. Антецедент *seo* (12b) — это суще-

ствительное женского рода *wiht*, представленное в 1-м стихе. Таким образом, с помощью смены рода подлежащего поэт достигает перехода от окончания автобиографического повествования предмета загадки к рассказу загадывающего.

Намерение загадывающего время от времени может быть затемнено морфологической двусмысленностью. Загадка 57 обычно включается в группу загадок о птицах, но последняя фраза *Nemnap hy sylfe* (6b) является поводом для споров ученых относительно названия птицы [12]. На первый взгляд ответ очевиден: глагол *nemnap* может быть формой первого, второго и третьего лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения, а также формой множественного числа повелительного наклонения; местоимения *hy* и *sylfe* могут быть формами множественного числа именительного или винительного падежей. Поскольку возвратные местоимения в древнеанглийском языке используются автономно, местоимение *sylfe* не обязательно относится к *hy*. В качестве перевода была предложена фраза «Назовите их сами» или «Позвольте им самим назвать себя».

Грамматическая двусмысленность в данной строчке неразрешима, но перевод «Они [сами] себя называют» (встречающийся у Уильямсона (1977) [13] и Кроссли-Холланда [14]) кажется более убедительным и больше соответствует структуре этой загадки.

Интересно, что Шук, который относит загадку к группе, созданной писцами скрипториев, трактует ту же фразу как «Они [сами] себя называют» [15]. Уэлш в качестве подтверждения этой мысли указывает на стилистическую особенность: «прием, когда предмет загадки называет себя, обеспечивает необходимую сложность и парадоксальность, напрямую противопоставляя библейскую традицию и традицию загадывания, в которых называть предметы и создания было привилегией человека» [16].

В древнеанглийском языке, как в стихах, так и в прозе, дополнение глагола может остаться невыраженным. В загадках эта синтаксическая особенность древнеанглийского языка находит широкое применение, и это вызывает структурную двусмысленность, как, например, в загадках 30a и 30b, 4b:

*Ic eom legbysig, lace mid winde, 1
bewunden mid wuldre, wedre gesomnad,
fus forðweges, fyre gebysgad,
bearu blowende, byrnende gled*

(Загадка 30a) [17].

[...я яркое пламя; я танцую на ветру, окруженный славой, принесенный бурей, готовый сорваться с места, я лиственный лес, горящий уголь.]

Глагол *byrnan* (*bærnan*) в загадке 1: 5b используется с дополнением, так же как в загадке 6: 2b:

folcsalo [вн. п., мн. ч.] bærne

(Загадка 1) [18].

[...я жгу дома людей.]

Oft ic cwide [acc. pl.] bærne

(Загадка 6, 2b) [19].

[...часто я сжигаю людей.]

Но в загадках 30a и 30b, 4b у причастия настоящего времени *byrnende* отсутствует дополнение; поэтому его значение до конца не ясно, его можно понимать как «горящий» или «вызывающий горение». Виссер выделяет группу глаголов, которые он называет «глаголами с двойной функцией или “плавающим” значением», которые могут быть как переходными, так и непереходными [20]. Глагол *beornan* (*byrnan/bærnan*) относится к таким глаголам, которые, по мнению Виссера, являются «непереходными глаголами, наряду с которыми существуют этимологически родственные переходные глаголы-омонимы».

Неясность значения глагола в стихе 4b противопоставлена не вызывающему сомнений непереходному значению глагола *blowan* (*blawan*) «дуть» в первой части того же стиха, 4a. Глагол *blowan* (*blawan*) относится к тому же типу, но существительное *bearu* «роща, лес» указывает на то, что причастие *blowende* имеет значение «раздувать».

Еще одна неясность вызывается структурной двусмысленностью, а именно, использованием предложных наречий, например, в загадках 30a и 30b стихе 5:

Ful oft mec gesipas sendað æfter hondum, 5
þær mec weras ond wif wlonce gecyssað

(Загадка 30b) [21].

[...часто рыцари передают меня из рук в руки, мужчины и женщины целуют меня.]

Согласно общепринятому переводу пятого стиха «часто рыцари передают меня из рук в руки», предложенного Блекберном, местоимение *mec* — это дополнение глагола *sendap*, стоящее в винительном падеже. А *æfter hondum* — предложная группа в функции детерминанта, подобная конструкции *sendan* — именная группа *-under* — именная группа, встречающаяся в загадках 3 и 49 [22].

Денисон указывает на то, что глагол *sendan* и предлог *æfter* образуют группу:

...het þeh sendon æfter; þær he ænigne libbende wiste .

(Орозий, 153. 12) [23].

[...он приказал, однако отправиться туда, где, как он знал, живут люди.]

Подобные примеры свидетельствуют о том, что в загадках 30a и 30b *æfter* может считаться наречием, а *hondum* составляет вместе с ним именную группу, которая имеет инструментальное значение, «их руками, в их руках». Согласно этой интерпретации, значение *mec* занимает промежуточное положение между текстом/рассказчиком, а придаточное предложение, начинающееся с *þær*- (30b: 6), указывает направление.

Структурная двусмысленность оказывается особенно продуктивной, когда дополняется полисемией:

*Wrætlic me þinceð,
hu seo wiht mæge wordum lacan
þurh fot neoþa 20*

(Загадка 31) [24].

[...мне кажется удивительным, как существо может произносить слова с помощью ног.]

Многочисленные интерпретации не дают четкого и однозначного объяснения синтаксической функции слова *wordum*, а также семантике глагола *lacan*.

Глагол *lacan* обычно встречается в сочетании с предложной группой и постпозициями *on*, *mid*, *ofer*, *þurh* и т. д. и обозначает то, посредством чего передвигаются корабль, птица, пламя. В загадках Экстерского кодекса (56: 8 *leolc on lyfte* and 30a/b: 1b *lace mid winde*), так же как в Беовульфе 2832 (...*lyfte / lacende hwearf*), его основное значение «двигаться по/в воздухе или с ветром» [25]. Но в сочетании с существительным множественного числа дательного падежа (помимо загадки 31) он встречается только в Беовульфе 2848b, где словосочетание *darepum lacan* обозначает «пользоваться оружием»:

*ða ne dorston ær dareðum lacan
on hyra man-dryhtnes miclan þearfe*

(Beowulf, 2848–9) [26].

[...тот, кто раньше не осмеливался восстать против своего господина, теперь должен участвовать в игре копий.]

Итак, можно сделать вывод, что функция существительного множественного числа дательного падежа *wordum* в загадке 31 предположительно такая же, как функция *darepum* в Беовульфе 2848b. Соответственно, *wordum lacan* можно считать кеннингом, заменяющим слово «речь» по аналогии со словосочетанием *darepum lacan*, кеннингом «битвы». Существительное *-lac* «речь» подтверждает высказанное предположение, как и предположение о том, что в стихе 19b изображена птица/перо, парящая над бумагой во время письма, или традиционный образ пера, летящего над страницей и оставляющего на ней следы.

Итак, англосаксонские сочинители загадок сознательно используют многоплановость различных языковых средств, чтобы повести разгадывающего по ложному пути, сделать процесс отгадывания более интересным, а количество возможных отгадок большим. Одним из таких средств является грамматический род. Глаголы без очевидных дополнений и местоимения с внетекстовыми антецедентами намеренно используются для того, чтобы ввести читателя в заблуждение. Морфологическая двусмысленность и полисемия открывают пути для множества интерпретаций. В целом язык загадок Экстерского кодекса представляет серьезные сложности для исследователя.

Примечания

1. DiNapoli R. In the Kingdom of the Blind, the One-eyed Man Is a Seller of Garlic: Depth-perception and the Poet's Perspective in the Exeter Book Riddles // English Studies. lxxxi (2000). P. 422–55.
2. Wyatt A. J. (ed.). Old English Riddles (London, 1912), xxxvi.

3. Здесь и далее загадки цитируются по: *Porter J.* Anglo-Saxon Riddles. Norfolk, 2003. P. 42.
4. Здесь и далее подстрочный перевод автора.
5. *Porter J.* Op. cit. P. 60.
6. См. также загадку 74, в которой автор намеренно избегает использования каких-либо слов (местоимений или прилагательных), которые могут указать на род загадываемого предмета.
7. *Porter J.* Op. cit. P. 30.
8. *Tigges W.* Snakes and Ladders: Ambiguity and Coherence in the Exeter Book Riddles and Maxims // *Companion to Old English Poetry*, ed. Henk Aertsen and Rolf H. Bremmer Amsterdam, 1994. С. 95–118.
9. См. различные интерпретации в книге: *Williamson C.* The Old English Riddles of the Exeter Book. Chapel Hill, NC, 1977.
10. *Blockley M.* Aspects of Old English Poetic Syntax: Where Clauses Begin. Urbana and Chicago, 2001. С. 201–5.
11. *Porter J.* Op. cit. P. 56.
12. Анализ возможных отгадок приводится в книге: *Williamson C.* (1977) и *Poole R.* Old English Wisdom Poetry: Annotated Bibliographies of Old and Middle English Literature. Vol. V. Cambridge, 1998.
13. *Williamson C.* The Old English Riddles of the Exeter Book. Chapel Hill, 1977.
14. *Crossley-Holland K.* (trans.). The Exeter Book Riddles L., 1979.
15. *Shook L. K.* Riddles Relating to the Anglo-Saxon Scriptorium, Essays in Honour of Anton Charles Pegis / Ed. J. Reginald O'Donnell. Toronto, 1974. P. 215–36.
16. *Welsh Andrew.* Swallows Name themselves: Exeter Book Riddle 5, ANQ // A Quarterly Journal of Short Articles, Notes and Reviews. iii, 1990. P. 90–3.
17. *Porter J.* Op. cit. P. 52.
18. Ibid. P. 10.
19. Ibid. P. 20.
20. *Visser F. Th.* An Historical Syntax of the English Language. Leiden, 1963–1973. Vol. 4, Pt. 3, P. 129–131.
21. Ibid. P. 52.
22. *Blackburn F. A.* The Husband's Message and the Accompanying Riddles of the Exeter Book // JGP. iii. 1901. P. 1–13.
23. *Denison D.* English Historical Syntax: Verbal Constructions. L.; N. Y., 1993. P. 12.
24. *Porter J.* Op. cit. P. 52.
25. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: *Beowulf* <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/texts/a4.1.html>
26. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: *Beowulf* <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/texts/a4.1.html>

© Мамаева Н. Н.
г. Екатеринбург

ХРИСТИАНСКИЕ ИДЕИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ (ДО «ХРОНИК НАРНИИ» К. С. ЛЬЮИСА)

Обычно когда говорят о христианских идеях в английской литературной сказке, приводят в пример К. С. Льюиса и Дж. Р. Р. Толкиена. Первого — как пример человека, изначально неверующего, но затем внезапно про-